

Ольга Терехина
с внучкой и правнучками.

лись на чердак нашей казармы, нашли там какую-то шкуру, изрядно поеденную молью. Порезали ее на кусочки, опалили над огнем и те кусочки-пластинки брали в рот, пытались жевать. Чтоб хоть что-то во рту было. А воду для питья и готовки мы брали из луж, из прудов, — вспоминает Ольга Николаевна.

А однажды судьба преподнесла им подарок на Пасху.

— Мама моя шла по дороге и сокрушалась: такой день, и никакой еды нет. Мама верующая была. И вдруг видит на дороге — узелочек. Подошла, развязала, а там пшеница. Видно, с какого-то грузовика упал. Мама принесла узел домой, мы в ступе смололи зерно. Сварили, поели и снова почувствовали, что живем, что смерть отступает, — уточняет блокадница. — А потом нас все-таки эвакуировали. Вот когда именно — не помню.

В эвакуации семья попала в деревню под Ульяновском. Было голодно.

— Соберем лебеды, еще какой-то травы, в чугушке сварим. Потом отожжем, смесь эту травяную словно на лепешки разделим. Получались такие травяные лепешки. Соли, кстати, тоже не было. Иногда удавалось набрать конского щавеля. А еще помню, как маленький брат, увидев чью-то козу, пасущую рядом с домом, в котором мы жили, попросил нас, сестренки: «Девчонки, отгоните козу, она всю траву у нас поест. Нам не достанется». А мамочка бралась за любую работу, лишь бы получить хоть какую-то пайку. Полы мыла. А однажды ей поручили к 7 ноября помыть бюст Сталина. За муку. Она и вагоны грузила. Как-то раз (а дело было зимой) в вагонах тех туши были. А у нее нас четверо голодных. Она отрезает от туши по маленькому кусочку сала, а спрятать-то некуда (а увидит кто — ведь под расстрел пойдет!). Припрятала между шеей и воротником. Донесла до дома то сало, а оно ж ледяное, и у нее горло заболело. Зимой же ее в поселковом совете попросили съездить за дровами. За хлеб. Поехала вместе с моей старшей сестренкой. А обуви, нужно сказать, никакой теплой у нас не было. Они обмотали ноги тряпками. А в лесу — снегу по пояс. Еле живые домой приехали. И — ноги у матери не ходят. Она встать не может, по полу от боли катается. И просит меня: «Доча, принеси мне отравы. Не могу больше». А я ведь маленькая была, спросила: «Где достать-то?» И произошло чудо: мамочка все-таки поправилась,

встала на ноги, — продолжает рассказ блокадница.

ЖИЛИ ТРУДНО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Семья вернулась в Ленинград к концу войны. Их комнату в казарме к тому времени уже заняли. Им предложили поселиться в крошечной (11 кв. м) будке стрелочника. Будка в щелях вся, а там, где на крышу труба от печки выходит, дыра большая. Лежа можно звезды на небе считать.

— Мама телку завела. И в холодное время года та телка спала с нами в этой будке. В одном углу — телка, в другом — мы. Навоз мама перемешивала с пеплом от угля (топили печку углем) и этой невообразимой смесью щели будки замазывала. Жить так, конечно, было сложно. И потом мама построила из старых шпал маленький домик. Почти все работы сама выполняла, — говорит блокадница. — Вот этот домик из шпал потом нам и подожгли, уже в 2000 году где-то. Хотели участок занять. Сгорело все, в том числе и иконы старинные, которые мама так берегла.

...А в День Победы 1945 года Ольга пошла на станцию. Прибывали поезда с солдатами. Ольга встала за большой дуб и все смотрела, смотрела... Она знала, что на отца пришла похоронка, но надеялась, что это ошибка, что он вернется. И вот сейчас прыгнет с подножия вагона... Не дождалась.

После войны Ольга закончила семилетку и, хотя мечтала продолжить образование и в будущем стать врачом, пошла в школу кулинарного ученичества. Потому что семья с трудом сводила концы с концами. Нужно было быстрее получать профессию и идти работать. Она и работала, в дальнейшем получила звание ветерана труда.

В приближающийся День Победы 2015 года семья собирается поехать в Кобону. Там дайверы — друзья внучки Ольги Николаевны Елены и ее мужа — собираются запустить в рейс полторку, которую достали со дна Ладожского озера. Одну из полторок, которая ушла под лед, перевозят людей и грузы по Дороге жизни. И уже спущен под воду памятный камень, посвященный погибшим на Дороге жизни. Чтоб потомки помнили...

Татьяна СВЕТЛОВА
Фото Натальи ЧАЙКИ

КОММЕНТАРИЙ

Татьяна СМЕРНОВА, юристконсульт горячей линии «36 квадратных метров»:

— Пишут правовые нормы и применяют их люди, наделенные специальными полномочиями. Наличие «лишнего» метра жилищной обеспеченности, о котором говорит журналист, не имеет принципиального значения для ветерана Ольги Николаевны Терехиной, поскольку отдельное жилое помещение в виде комнаты в многонаселенной квартире для нее не появится.

Законы Санкт-Петербурга в части регулирования жилищной обеспеченности горожан остаются формальными, оторванными от жизни, сам алгоритм постановки на городскую жилищную очередь весьма неясен — в Санкт-Петербурге с 2005 года продолжает действовать лишь примерное положение о районной жилищной комиссии, издающей рекомендательные решения и не выдающей копии этих решений ветеранам для своевременного обжалования.

Существующие административные регламенты также не изменяют в лучшую сторону подход городских чиновников к положению ветеранов, действительно нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Журналисты метко назвали многонаселенные отдельные квартиры семейными коммуналками. В ряде случаев семейная коммуналка стала более суровым испытанием для наших ветеранов, чем классическая городская.

Однако до тех пор, пока чиновнику предоставлено право «формировать» семьи по своему усмотрению и произвольно применять законы, обитателям семейных коммуналок придется претерпевать существенные неудобства в быту, невзирая на так называемую достаточную жилищную обеспеченность — 9 квадратных метров общей площади.

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

Погода в доме блокадницы: пасмурно, долговременные осадки

В ЩЕЛЬ МЕЖДУ
БЛОКАМИ
В КВАРТИРУ
ТАМАРЫ
ХОМЕНКО
ДУЕТ ВЕТЕР
И ИДЕТ ДОЖДЬ

Обои к этому, то мокрому, то обледенелому углу не приклеиваются.

ПОСЛЕ ВЫХОДА на наших страницах статьи «Пол провалился вместе с жильцом» в редакцию начали приходить письма от читателей, которые живут в похожих условиях.

Напомним, в квартире на втором этаже дома на улице Мира, 31, рухнули перекрытия. И теперь из кухни метровый лаз на лестничную клетку. Но заделать ее коммунальщики сразу вот так не могут, потому что закон относит аварийность отдельных конструктивных элементов к капитальному ремонту. Чтобы перекрытия отремонтировать, надо включить данный адрес в программу капитального ремонта. А на это может уйти около года. Такие законы.

Похожий случай — у блокадницы, участницы войны Тамары Яковлевны Хоменко. Она живет на последнем этаже в доме №1 по улице Композиторов. За капитальной стеной ее квартиры — соседская лоджия. И этот угол летом мокрый, а зимой в инее. Дом блочный, то ли стыки разошлись, то ли с самого начала было все плохо сделано, но даже когда ветер дует снаружи, он дует и в квартире.

Вот что пишет в своем письме Тамара Яковлевна: «Батарей у меня горячие, а в холода температура в квартире не поднимается выше 15 градусов. Зимой постоянно гибнут цветы, а летом всю стену квартиры дождем заливают. Я целый год по несколько раз занимаюсь переклеиванием обоев. Хочется уже пожить в уюте и тепле, а не получается который год. Наш дом принадлежит кооперативу 1057. Председатели меняются часто. Только добьюсь, чтобы что-нибудь сделали с моим углом, а тут новый председатель. И ему не до меня. Последний на сегодня, Кондрашов Виктор Николаевич, вовсе заявил, мол, у меня только угол промокает, а у него в квартире арматура торчит, и ничего, живет».

Медаль «За оборону Ленинграда»
Тамара Хоменко получила в 13 лет.

Корреспондент «ВП» съездил к Тамаре Яковлевне. Все так, как она говорит. В углу комнаты отставшие обои, угол холодный. Из окна посмотрел на уличные стыки. Они замазаны цементом. Видно, что работали верхолазы. Но, получается, замазаны как-то не так, потому что на погоду в доме Тамары Яковлевны это не влияет. Наверное, коммунальщики с инженерами должны обследование провести, сказать, что надо сделать. Возможно, кровлю посмотреть. У Тамары Яковлевны над окнами карнизы сделаны по заказу. Говорит, когда въехала, то во время дождя вода просто по окнам бежала. Да и щели между блоками, наверное, надо не просто сверху замазывать, а глубже.

Михаил ТЕЛЕХОВ, фото автора